

ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCES

МРНТИ 17.07.21

**МИФОЛОГЕМА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» В ПОВЕСТИ ЯНА ЛАРРИ
«НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРИКА И ВАЛИ»**

А.И. КУЛЯПИН^[0000-0001-9673-3855]

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул,
Алтайский край, Россия
e-mail: iskander58@mail.ru

Аннотация: В данной статье проводится анализ сказочной повести Яна Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали» написанной в 1937 году. В повести «Необыкновенные приключения Карика и Вали» как уютное домашнее пространство, так и гармоничное царство природы легко счесть Эдемом, но только при взгляде издали. Однако вблизи эти миры скорее напоминают преисподнюю. В одной системе координат отлучка Карика и Вали из дома органично соотносится с сюжетом библейской притчи об изгнании из рая, в другой – с поиском утраченного рая. Современному читателю данная художественный образ будет также интересен, как и почти сто лет тому назад, так как в настоящий момент вопросы экологии очень актуальны. И показав мир насекомых, практически всю энтомологию при этом не загромождая изложение объяснениями профессора, писатель увлекательно описывает фантастические приключения детей Карика и Вали. Чтение данной повести детей младшего школьного возраста способствует формированию воображения, способности анализировать текст и описываемые в нем ситуации, а также помогает бороться с клиповым мышлением. Сопереживая героям школьники сочувствуют людям попавшим в тяжелую ситуацию.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, поэтика, сюжет, мотив, символ, миф.

В конце 1940 года Ян Ларри задумал невероятно дерзкий, в условиях сталинского режима, проект. Прикрывшись псевдонимом «Кулиджары», писатель стал высылать вождю отдельные главы своей социально-фантастической повести «Небесный гость», в которой подверг острой критике разные аспекты советской жизни. Есть в повести-памфлете один очень характерный для поэтики Я. Ларри прием. Оказывается, смена фокуса зрения с ближнего на дальний позволяет увидеть в адской бездне райский сад:

«– Я скажу вам так, товарищи, – начал свою речь колхозник, – сверху когда глядишь, так многих мелочей не замечаешь, и оттого все кажется тебе таким прелестным, что душа твоя просто пляшет и радуется. Помню, гляжу я как-то с горы вниз, в долину к нам. Вид у нас сверху удивительно веселый. Речка наша, прозванная Вонючей, извивается, ну как будто на

картинке. Колхозная деревня так и просится на полотно художника. И ни грязи-то, ни пыли, ни мусора, ни щебня – ничего этого за дальностью расстоянья никак невозможно заметить невооруженным глазом.

То же и у нас в колхозах. Сверху оно, может, и в самом деле похоже на райскую долину, но внизу и вчера и сегодня пахнет еще адовой гарью» [5].

В последней фразе Я. Ларри довольно точно обозначил специфику художественного мира повести для детей «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937), хоть это, конечно, вряд ли входило в его намерения.

Сюжетная схема повести не особенно оригинальна: брат и сестра Карик и Валя, случайно уменьшившись до микроскопических размеров, совершают вынужденное путешествие в «страну дремучих трав». Все заканчивается благополучно, герои после многочисленных опасных приключений возвращаются домой.

Эдемом при взгляде издали легко счесть как уютное домашнее пространство, описываемое на последних страницах повести, так и гармоничное царство природы. Однако вблизи эти миры скорее напоминают преисподнюю. В одной системе координат отлучка Карика и Вали из дома органично соотносится с сюжетом библейской притчи об изгнании из рая, в другой – с поиском утраченного рая.

Для Я. Ларри мифологема потерянного рая очень важна, не зря в своем творчестве он возвращался к ней вновь и вновь. В его раннем утопическом романе «Страна счастливых» (1931) библейский миф возводится к преданиям инопланетян, миллионы лет назад колонизировавших Землю. Возвращение на родную планету для них делается невозможным. «Несмотря на это, люди не теряют надежды. Они верят, что директор станции – седобородый мужчина – вернет их на родную планету. Проходят десятки лет. У вынужденных межпланетных колонистов появляются дети. На земле зарождается человек. Умирая, колонисты рассказывают одичавшим детям о прекрасной жизни на родной планете, которая, может быть, называлась Рай. Возможно, что бородатый директор станции был зарегистрирован под именем бога с фамилией Саваоф.

Проходят миллионы лет. Планета Рай превращается в утерянный рай. Директор Саваоф – в сверхъестественное существо» [2].

В «Необыкновенных приключениях Карика и Вали» есть свой Саваоф – демиург-чудотворец и, конечно, тоже бородатый – профессор Иван Гермогенович Енотов, открывший способ уменьшить кролика до размеров блохи. Примечательно восклицание профессора перед началом эксперимента: «И мы начнем творить чудеса!» [3, № 3, С. 89]. Оказывается, впрочем, что в эксперименте над животными нет нужды, поскольку препарат сразу испытывается на людях. Волшебная жидкость профессора Енотова странным образом похожа на газированную

воду. Кролик от такого напитка наверняка отказался бы, а вот Карик и Валя выпивают его с удовольствием.

Инициатором вкушения запретного плода в полном согласии с традицией выступает женщина. Карик тщетно предупреждает сестру об опасности:

«– Не трогай! – сказал сердито Карик. – Может быть, это отрава. Отойди от стола! Слышишь, отойди, говорю.

Валя отошла, но потом снова вернулась к столу и понюхала жидкость еще раз.

– Это газированная вода! – сказала Валя, и вдруг ей очень захотелось пить.

– Не трогай! – крикнул Карик.

– А мне пить хочется! – сказала Валя.

И в самом деле, ей так захотелось пить, что у нее даже горло совсем пересохло и стало трудно дышать.

Выбрав минуту, когда Карик отвернулся в другую сторону, она придвинула: к себе стакан и попробовала языком жидкость.

– Вот вкусно-то! – прошептала Валя и, не обращая уже внимания на брата, поднесла стакан ко рту и отхлебнула из него немножко» [3, №3, С. 90].

Поддавшись соблазну, Валя и дальше продолжает действовать по библейскому сценарию:

«– Попробуй! – протянула Валя Карике стакан. – Холодная и очень вкусная... Никогда еще такой не пила.

– А вдруг все-таки это отрава? – сказал Карик недоверчиво.

– Отрава бывает горькая, – засмеялась Валя, – а это очень вкусное.

Карик нерешительно посмотрел на ледяную газированную воду.

– Наверное, дрянь какая-нибудь сказал он и протянул руку к стакану.

– Совсем не дрянь! Пахнет персиками, а на вкус вроде ситро. Только еще вкуснее...

Карик оглянулся по сторонам, взял стакан из рук Вали и торопливо отпил несколько глотков.

– А ведь, правда, – вкусно! – сказал Карик и поставил стакан на прежнее место. – Только больше не пей, а то он заметит» [3, №3, С. 90].

Я. Ларри детально воспроизводит ветхозаветный миф. «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3: 6). Даже имя героини – Валя, происходящее от латинского *valens* «сильный, здоровый», близко по значению к имени Евы – от древнееврейского «живая» [9, С. 67, 100].

Адам и Ева, вкусив плодов древа познания, обретают чувство стыда: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7). Уменьшившись, Карик и Валя остаются без одежды, но, в отличие от Адама и Евы, меньше всего думают о своей наготе. Зато для автора и первого иллюстратора повести это немаловажная деталь. В журнале «Костер» текст Я. Ларри сопровождался не просто рисунками, а фотоиллюстрациями С. Петровича. Художнику удалось добиться удивительного эффекта: фантастические события начинают восприниматься как вполне реальные. Одежду из лепестков незабудки Карик и Валя получают только в 8 главе, опубликованной в шестом номере «Костра». На фотоколлажах в номерах журнала со второго по пятый герои повести обнажены.

Карик и Валя в первых восьми главах повести похожи на Адама и Еву до вкушения запретного плода: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2: 25). Соответственно, их путь можно интерпретировать как возвращение в рай. Змей искушал Еву возможностью обретения божественного дара отличать добро от зла: «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 4-5). Я. Ларри выворачивает библейский миф наизнанку. Приобщившись к тайнам науки, Карик и Валя оказываются в мире, где о понятиях «добро» и «зло» надо забыть. Первобытный рай, в котором оказываются герои, при ближайшем рассмотрении напоминает ад. В этом inferнальном мире царит только один закон – беспощадный закон взаимопожирания.

Много в повести откровенно садистских фрагментов. Например, рассказ о питании личинки осы-эвмены: «Неделями грызет она свою жертву, но до последнего дня гусеница остается живой, а мясо свежим. В первый день личинка питается кровью гусеницы, потом поедает жир, затем пожирает мускулы. Без крови, без жира, без мускулов гусеница продолжает жить и остается по-прежнему свежим мясом для личинки. Наконец личинка пожирает все остальное и закукливается» [3, № 8, с. 35].

Биолог по образованию, Я. Ларри ничего не придумывает, описывая жизнь насекомых такой, какова она есть, но при этом назвать книгу «Приключения Карика и Вали» собранием увлекательных заметок натуралиста нельзя. Автор далеко ушел от первоначальной идеи, принадлежащей С. Маршаку, – создать для детей научно-популярную книгу по энтомологии.

В романе «Страна счастливых» главный герой Павел Стельмах в ответ на реплику Киры: «Знаменитость обязана страдать», – отвечает шутливо: «Это биология или социология?» [2]. Однако вопрос этот серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Автор романа на вопрос своего героя мог бы ответить: «Это и биология, и социология».

Писатель во многих случаях явно склонен не то социологизировать биологию, не то биологизировать социологию.

Аркадий Белинков верно заметил в связи с рассказом Ю. Олеси «Мы в центре города», опубликованном все в том же печально знаменитом тридцать седьмом, что «звери приходят в мировую литературу, когда из двух зол хотят выбрать меньшее» [7, С. 377]. Ян Ларри не одинок в попытках придать конфликтам в мире животных аллегорический смысл. Жестокость правит миром в еще одной книжке о животных, также впервые появившейся в 1937 году, – «Рассказы в картинках» Николая Радлова: «Герои этих историй – хитрые звери. Либо ты кого-то съешь, либо тебя кто-то съест – выживают самые находчивые» [11, С. 356]. Финский исследователь несколько тенденциозен – звери на рисунках Радлова не всегда столь кровожадны, но, видимо, дата публикации книги заставляет видеть все в черном цвете.

Я. Ларри глубже других писателей, обратившихся к рассказам о животных, поскольку не ограничивается примитивной аллегоризацией, но видит, что подоплекой социальных событий часто является биологическая потребность.

Герои «Необыкновенных приключений...», как это часто бывает в литературе, перемещаются не столько в пространстве – из точки А в точку Б, сколько во времени – из одной исторической эпохи в другую.

Иван Гермогенович добывает огонь, «как доисторический человек», высекая искру из кремня, а Карик и Валя, увидев костер, «принялись отплясывать какой-то дикий танец» [3, № 7, С. 60]. «– Что ж, ребята, скажу откровенно: думать о постелях не стоит, – предупреждает профессор. – Мы будем спать, как спали наши предки. На деревьях, в шалашах или в пещерах» [3, № 5, С. 52].

С копьём, сделанным из осинового жала, и в «серебристом костюме из паутины» Енотов выглядит как настоящий средневековый рыцарь: «Костюм профессора светился как начищенная стальная кольчуга» [3, № 7, С. 63]. Особенно симптоматично, что к представителям мира насекомых также применяются социальные категории: ручейник, «самый настоящий разбойник», по определению Ивана Гермогеновича, «выходит на охоту, закованный, точно рыцарь, в крепкую броню. Но рыцари надевали только латы, шлемы и кольчуги, а этот господин таскает на себе целую крепость» [3, № 6, С. 84].

Героям повести даже доведется поучаствовать в настоящих классовых битвах, сотрясающих травяные джунгли. Объясняя причины муравьиных войн, профессор Енотов пользуется термином «рабство»: «Красные муравьи отняли у черных их коконы, их детей. Теперь они отнесут эти коконы к себе в муравейник, и, когда из них выйдут муравьи, они превратят их в своих рабов». Карик метафору профессора буквализирует: «Что-о? – Карик

вскочил, точно ужаленный. – Так чего же вы молчали? Эти рабовладельцы их грабят, а мы тут сидим, сложа руки?!

Он схватил с земли камень и пустил его с силой в толпу бандитов, которые тащили из муравейника белые коконы» [3, № 6, С. 75].

Вмешательство Карика в природные процессы абсолютно бессмысленно, муравьиным Спартаком он стать, разумеется, не сможет. Экспорт революции в данном случае не пройдет. Тем не менее, сначала Валя, а потом и профессор Енотов поддерживают благородный порыв пионера. Непоследовательность профессора, который обозвав Карика и Валью сумасшедшими, тут же присоединяется к сражению с красными муравьями, объяснить можно, ведь он в своих экспериментах вдохновляется в высшей степени советской идеей пересоздания природного мира. Потерпев поражение в схватке с муравьями-рабовладельцами, профессор Енотов в финале повести пафосно обещает: «Мы еще вернемся когда-нибудь снова сюда. Мы придем с большой экспедицией, вооруженные с ног до головы, и завоюем этот, еще малоисследованный, мир» [3, № 11, С. 91]. Сам Ян Ларри не слишком догматичен, ведь в коротеньком послесловии от автора научные достижения профессора Енотова, будто бы научившегося «превращать слона в муху», сводятся к тому, что он, возможно, всего лишь «делает из мухи слона» [3, № 11, С. 95].

Перед тем, как вернуть Енотову естественный рост, писатель подвергает его еще одному унижению. Карик и Валя, увеличившиеся до нормальных размеров, заключают оставшегося крошечным Ивана Гермогеновича в рюмку. В журнальном варианте Я. Ларри ограничивается простой констатацией. «Мы посадим в рюмочку профессора, а потом...» – произносит на последней странице Карик [3, № 11, С. 95]. В книжном варианте все гораздо содержательнее. Карик приглашает профессора в рюмку загадочной репликой: «Переходите в хрустальный дворец, Иван Гермогенович!» [4, С. 271].

Образ хрустального дворца слишком частотен и значим в мировой культуре, чтобы его появление в тексте повести можно было объяснить случайностью. Пожалуй, самое известное упоминание хрустального дворца встречается в «Записках из подполья» Достоевского, где герой-парадоксалист рассуждает о наступлении всеобщего счастья: «...законы природы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет и жить ему будет чрезвычайно легко. Все поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам, математически, вроде таблицы логарифмов <...> .

Тогда-то <...> настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностью, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы. Тогда выстроится хрустальный дворец» [1, С.468-469].

Обычно в комментариях указывается, что последняя фраза – это полемический намек на «Четвертый сон Вера Павловны в романе «Что делать?» Б. П. Вышеславцев в книге «Кризис индустриальной культуры», заостряя антиутопический пафос автора «Записок из подполья», писал: «Достоевский всегда утверждал, что социализм противоречит человеческой свободе во всех ее формах, начиная от инстинктивной свободы произвола – до высшей духовной свободы совести и мысли: когда будут построены “дворцы социализма”, непременно восстанет “господин с ретроградной физиономией” и скажет: А что, господа, не послать ли нам к чорту все эти хрустальные дворцы социализма “единственно для того, чтобы по своей глупой воле пожить”» [8, С. 173].

Учитывая принципиальность для Достоевского спора с Чернышевским, нельзя не отметить, что его «хрустальный дворец» – это символ торжества не только социальной, но и сциентистской утопии. Творчество Я. Ларри в основном укладывается именно в эти рамки, и поэтому примечательна еще одна переключка с классиком. В романе «Преступление и наказание» (часть I, гл. VI) хрустальным дворцом именуется трактир. Рюмка-дворец, в которой Иван Гермогенович «ест сыр и запивает портвейном» [4, С. 274] – еще более злая, чем у Достоевского, пародия на «хрустальные громадные дома» для общих трапез Чернышевского [6, С. 379].

Писатель окончательно развенчивает демиургические претензии профессора Енотова, по сути, превратив его в подопытного кролика. Зеркально симметричны две сцены повести. Во второй главе Валя, узнав, что они с Кариком «стали крошечные, вроде комаров», радуется: «Вот интересно-то!» Ее брат оценивает ситуацию иначе: «Дура! – рассердился Карик, – ничего интересного нет. Посадят нас теперь в банку и будут рассматривать через микроскоп» [3, № 3, С. 91]. В последней, восемнадцатой главе даже не в банке, а в рюмке оказывается профессор Енотов.

Профессор Енотов окажется в стеклянном заточении из-за коллекционерского фанатизма. Вместо того чтобы поскорее вернуть себе прежний облик, он ловит редкостную бабочку экофору: «Он позабыл обо всем на свете. <...> Он помнил только одно: в его богатой коллекции – в семействе бабочек, в отряде моли, там, где под стеклом на тонких булавах сидела, распластав крылышки ковровая моль, меховая моль, волосяная, зерновая, вишневая, боярышниковая, лопушниковая, полевая и всякая другая моль, – в этом отряде вредителей не было еще до сих пор оливковой экофоры» [3, № 11, С. 92]. Пытаясь поместить живую природу «под стекло», сам профессор окажется в роли зоологического экспоната. Показательно, что на фотозаставке к публикации последних глав повести (3, №11, С. 87) Карик, Валя и их мама с иронической улыбкой рассматривают профессора Енотова, который стоит на дне рюмки с

высоко поднятыми руками – общеизвестный жест человека, сдающегося на милость победителя.

На границе природного и культурного миров Валя и Карик, сбросив одежду из лепестков незабудки и паутины, облачаются в рубашку и брюки профессора Енотова. Семантику мотива переодевания в мифологии и литературе, которая сохраняет актуальность и для повести Я. Ларри, четко очертила О. М. Фрейденберг: «Перемена одежды стала представляться переменной самих сущностей людей. <...> Одежда действующих лиц в литературном произведении, от шкуры убитого зверя, через ее растительные виды (листья), венки и т. д. и вплоть до платья, оказалась связанной с перипетией самого сюжета: такова эпическая роль бедной и грязной одежды, рубища и пр. или животворящая значимость богатой, светлой, яркой и, главное, новой одежды. Эта сюжетная перипетия достигается поэтому одним переодеванием героя в платье, соответствующее той фазе, – смерти или обновления, – которую он переживает» [10, С. 201].

Присвоив одежду профессора, Карик присваивает и его знания. Когда толпа агрессивных мальчишек преграждает Карик и Вале путь к дому, их спасает знание биологии:

«Карик поднял руку с профессором высоко над головой, вытаращил глаза и страшным голосом закричал:

– Микро-гасте-е-ер не-мо-о-р-р-у-ум!

Ребята шарахнулись.

– Сумасшедшие, – испуганно сказал кто-то в толпе.

Карик затопал ногами и закричал еще громче:

– Ка-р-р-рабу-ус!.. Корр-ри-кса! Тр-ри-ун-гу-ли-на!

Налетая друг на друга, мальчишки кинулись врассыпную» [3, № 11, С. 95].

Научные термины, которые мальчишки принимают за бред сумасшедшего, это и наглядная демонстрация силы знания, и магическое заклинание, и своего рода пароль, необходимый для того, чтобы вернуться из сказочного тридцатого царства в мир людей.

Вполне закономерно, что отправляясь в страну насекомых, Карик и Валя своей наготы словно бы не заметили и лишь в момент возвращения к нормальной жизни вновь вспомнили об одежде:

«– Постой, сказала Валя, – как же мы пойдем по городу голые?»

– Ничего. Добежим.

– Нет, нет, – сказала Валя, – надо одеться. Так я не пойду» [3, № 11, С. 93].

В книжном издании повести Валя объясняет свое нежелание бежать по улицам голой:

«– Постой... Как же мы пойдем по городу голыми!

– Подумаешь! – презрительно фыркнул Карик.

– Нет, нет! – сказала Валя. – Я не пойду. Это нехорошо.

– Что значит нехорошо? – удивился Карик.

– Да у меня все кости торчат наружу. Смотри, какая я худая. Надо мной смеяться будут» [4, С. 265].

Мотивировка весьма необычная. Я. Ларри закольцовывает сюжет обретенного / потерянного рая. Слово «нехорошо», которое употребляет Валя, можно было бы истолковать как отсылку к библейскому: «откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 5). Однако Карик по-прежнему не понимает, «что значит нехорошо?» А Валя в качестве критерия разграничения добра и зла выбирает не этический, а эстетический принцип. Герои по-прежнему «по ту сторону добра и зла».

Перед тем, как пуститься на поиски Карика и Вали, профессор Енотов устанавливает маяк, который должен послужить ориентиром на обратном пути из микромира, – шест с повязанным на верхушке красным платком [3, № 4, С. 67].

В тексте журнала «Костер» вешка, указывающая на ящик с увеличительным порошком, свою функцию выполнит на все сто процентов. Перед героями, добравшимися до заветной коробки, открывается величественная картина: «...точно толстая фабричная труба, высился маяк Ивана Гермогеновича. Красный флаг на верхушке маяка терялся где-то чуть ли не под облаками» [3, № 11, С. 90].

В книжном издании профессор и его спутники рискуют навсегда заблудиться в травяных зарослях, поскольку никакого путеводного маяка больше нет:

«Профессор стоял на пуговице, внимательно разглядывал окрестности пиджака. Он искал шест с красным платком. Но шеста нигде не было. <...>

– Упал! Упал разбойник! И не более как десять минут назад.

– Кто упал? – разом спросили ребята.

– Наш маяк!.. Но это не беда. Мы уже на месте» [4, С. 257].

Путь героям книги указывал уже не реющий где-то под облаками флаг, как две капли воды похожий на знамя страны победившего социализма, а всего лишь шест с красным платком. Столь прозаический предмет сыграть роль спасительного маяка, конечно, не в состоянии.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1989. – С. 452-550.

2. Ларри Я.Л. Страна счастливых / Я.Л. Ларри. – Л., Ленинградское областное издательство, 1931. URL: <http://larri.lit-info.ru/larri/proza/strana-schastlivyh.htm>
3. Ларри Я.Л. Необыкновенные приключения Карика и Вали / Я.Л. Ларри. - Костер. – 1937.
4. Ларри Я.Л. Необыкновенные приключения Карика и Вали / Я.Л. Ларри – Куйбышевское книжное издательство, 1958. – 276 с.
5. Ларри Я.Л. Небесный гость / Я.Л. Ларри. – СПб.: Север-Запад, 1993. URL: <http://larri.lit-info.ru/larri/proza/nebesnyj-gost/nebesnyj-gost.htm>
6. Чернышевский Н.Г. Что делать? / Н.Г. Чернышевский. – М.: Правда, 1974. – 464 с.
7. Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента / А. Белинков. – М.: РИК Культура, 1997. – 539 с.
8. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм / Б.П. Вышеславцев. – New York: Chalidze Publications, 1982. – 353 с.
9. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 384 с.
10. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 445 с.
11. Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. Авториз. пер. с англ. О. Бухиной / Б. Хеллман. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с.

References

1. Dostaevskii F.M. (1989). Zapiski iz podpol'ya [Notes from the underground]. L.: Nauka [in Russian].
2. Larri Ya.L. (1931). Strana schastlivyh [The land of the Happy]. L.: Leningradskoe oblastnoe izdatel'stvo [in Russian]. URL: <http://larri.lit-info.ru/larri/proza/strana-schastlivyh.htm>.
3. Larri Ya.L. (1937). Neobyknovennye priklucheniya Karika I Vali [The extraordinary adventures of Karik and Vali]. Koster [in Russian].
4. Larri Ya.L. (1958). Neobyknovennye priklucheniya Karika I Vali [The extraordinary adventures of Karik and Vali]. Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo [in Russian].
5. Larri Ya.L. (1993). Nebesnyi gost' [Heavenly guest]. SPb.: Sever-Zapad [in Russian]. URL: <http://larri.lit-info.ru/larri/proza/nebesnyj-gost/nebesnyj-gost.htm>
6. Chernyshevskii N.G. (1974). Chto delat'?' [What to do?]. M.: Pravda [in Russian].
7. Belinkov A. (1997). Sdacha i gibel' sovetskogo intellekta [Surrender and death of the Soviet intellectual]. M.: RIK Kultura [in Russian].

8. Vysheslavtcev B.P. (1982). Krizis industrial'noi kul'tury. Marksizm. Neosotsializm. Neoliberalism [The crisis of industrial culture. Marxism. Neosocialism. Neoliberalism]. New York: Chalidze Publications.
9. Petrovskii N.A. (1966). Slovar' russkikh lichnyh imen [Dictionary of Russian personal Names]. M.: Sov.Entsiklopediya [in Russian].
10. Freidenberg O.M. (1997). Poetika sujeta i janra [Poetics of plot and genre]. M.: Labirint [in Russian].
11. Hellman B. (2016). Skazka i byl': Istoriya russkoi detskoj literatury [Fairy Tale and Byl: The History of Russian Children's Literature]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].

ЯН ЛАРРИДІН «КАРИК ПЕН ВАЛЯНЫҢ ЕРЕКШЕ ОҚИҒАЛАРЫ» ПОВЕСІНДЕГІ «ЖОҒАЛҒАН ЖҰМАҚ» МИФОЛОГЕМАСЫ

А.И. КУЛЯПИН

Алтай мемлекеттік педагогикалық университеті, Барнаул қ., Алтай өлкесі, Ресей

e-mail: iskander58@mail.ru

Аннотация: Бұл мақалада 1937 жылы жазылған Ян Ларридің "Карик пен Валяның ерекше оқиғалары" ертегі повестіне талдау жасалады. "Карик пен Валяның ерекше оқиғалары" повестінде жайлы үй кеңістігі де, тамылжып тұрған табиғат патшалығы аясы да бір қарағанда көз алдыңызға Эдемді елестетеді.(((Алайда, зерделеп қарайтын болсақ бұл екі мекен де тамұқ тәрізді көрінеді. Бір координаттар жүйесінде Карик пен Валяның үйден аластатылуы жұмақтан қуылу туралы библиялық астарлы әңгімеге, ал екіншісінде жоғалған жұмақты іздеушіге сәйкес келеді. Қазіргі оқырман үшін бұл көркем образ жүз жыл бұрынғыдай қызықты болады, өйткені қазіргі уақытта экология мәселелері өте өзекті болып табылады. Жазушы жәндіктер әлемін, барлық дерлік энтомологияны көрсете отырып, профессордың түсіндірмелерін шатастырмай, Карик пен Валя балаларының қиял ғажайып шытырман оқиғаларын қызықты сипаттайды. Бастауыш мектеп жасындағы балалардың осы әңгімені оқуы қиялдарының қалыптасуына, сонымен қатар мәтінді және онда сипатталған жағдайларды талдай білуге айрықша ықпал етеді, сонымен қатар клиптік ойлаумен күресуге көмектеседі. Кейіпкерлерге жаны ашыған мектеп оқушылары қиын жағдайға тап болған адамдарға жанашырлық сезімдерін танытады.

Түйін сөздер: утопия, дистопия, поэтика, сюжет, сарын, белгі, аңыз.

THE MYTHOLOGEME «PARADISE LOST» IN THE NOVEL «THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF KARIK AND VALIYA» BY YAN LARRY

A.I. KULYAPIN

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Altai, Russia

e-mail: iskander58@mail.ru

Abstract: This article analyzes the fabulous story of Ian Larry "The Extraordinary Adventures of Karik and Vali" written in 1937. In the story "The Extraordinary Adventures of Karik and Vali", both a cozy home space and a harmonious kingdom of nature can easily be considered an Eden, but only when viewed from a distance. However, up close, these worlds are more like the underworld. In one coordinate system, the absence of Karik and Vali from home is organically correlated with the plot of the biblical parable of the exile from paradise, in another-with the search for the lost paradise. To the modern reader, this artistic image will be as interesting as it was almost a hundred years ago, since at the moment environmental issues are very relevant. And showing the world of insects, almost all entomology without cluttering the presentation with the professor's explanations, the writer fascinatingly describes the fantastic adventures of the children Karik and Vali. Reading this story for children of primary school age contributes to the formation of imagination, the ability to analyze the text and the situations described in it, and also helps to fight clip thinking. Empathizing with the heroes, students sympathize with people who are in a difficult situation..

Key words: utopia, dystopia, poetics, plot, motive, symbol, myth.